

**ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ.
ФОЛЬКЛОРИСТИКА**

**LITERARY THEORY. TEXTOLOGY.
FOLKLORE STUDIES**

УДК 821.511:142

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-145-159

**РЕЦЕПЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ГОРОДА В ПРОЗЕ
Е.Д. АЙПИНА (К ВОПРОСУ ОБ УРБАНИСТИЧЕСКОМ
КОДЕ ХАНТЫЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

Косинцева Е.В.

***Цель.** Статья посвящена актуальной в условиях современно-го финно-угорского литературоведения теме городского текста. Предметом анализа выступает рецепция европейских топов в произведениях ведущего хантыйского прозаика Е.Д. Айпина. Автор ставит целью раскрыть формирование урбанистического кода в хантыйской литературе на примере творчества Е.Д. Айпина.*

***Метод или методология проведения работы.** Основу исследования образуют историко-культурный и сопоставительный методы, а также современные подходы к выборочному анализу художественного текста.*

***Результаты.** Результаты работы заключаются в том, что автор осмысливает процессы формирования урбанистического кода в творчестве писателя и в национальной литературе ханты. Исследование подтверждает выявленную ранее особенность идиости-ля Е.Д. Айпина. Автор утверждает, что выбранный хантыйским прозаиком подход – взгляд на европейский город глазами путешественника – вполне гармонично позволяет представить и сам топос, и проследить процесс формирования метатекста в художественном произведении.*

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере литературоведческих и междисциплинарных гуманитарных исследований.

Ключевые слова: хантыйская литература; Е.Д. Айпин; образ города; городской текст; метатекст; Европа; урбанистический код.

RECEPTION OF THE EUROPEAN CITY IN THE PROSE BY E.D. AIPIN (CONCERNING THE URBAN CODE OF THE KHANTY LITERATURE)

Kosintseva E.V.

Purpose. The article is devoted to the issue of the urban text, being quite topical in the modern Finno-Ugric philology. The subject of analysis is the reception of the European topos in the works by a leading Khanty writer E.D. Aipin. The author aims to reveal the formation of the urban code in the Khanty literature as based on the example of the works by E.D. Aipin.

Method or methodology of the work. The basis of the research are the historical-cultural and comparative methods, as well as modern approaches to a selective sample analysis of a literary text.

Results. The results of the work lie in the fact that the author interprets the processes of formation of the urban code in the writer's work of art as well as in national literature of the Khanty people. The research confirms a feature of E.D. Aipin's idiostyle that was revealed earlier. The author claims the approach that the Khanty writer selected, i.e. the view at a European city through the eyes of a traveler, quite harmoniously represents both the topos and process of metatext formation in the literary work.

Field of practical application of the results. The results of the research can be applied in the field of literary and interdisciplinary humanitarian studies.

Keywords: Khanty literature; E.D. Aipin; image of the city; city text; metatext; Europe; urban code.

Введение

Городской текст вызывает неизменные дискуссии в среде ученых, которые предлагают разные подходы к его осмыслению. Первые попытки теоретического осмысления текстов, отражающих специфику локуса, восходят к работам Н.П. Анциферова о Петербурге [1], к трудам участников тартуско-московской семиотической школы. Важными для осмысления городского текста стали труды В.Н. Топорова [10; 11], М.Ю. Лотмана [7], Н.Е. Меднис [9], а также работы современных исследователей (Н.А. Белова [2], Е.Г. Бураго [3], Л.В. Гаврилина [4], Е.Ш. Галимова [5], Е.В. Кузнецова [6], А.Г. Лошаков [8], Е.Г. Трубецкова [12], О.В. Шиндина [13], О.С. Шурупова [14] Э.В. Щербакова [15] и другие). В финно-угорском литературоведении городской образ вызвал интерес у А.А. Арзамасова, С.П. Гудковой, С.С. Динисламовой, С.А. Ивановой, которые постарались осмыслить его на материале художественных текстов писателей – представителей мансийской, удмуртской и мордовской литератур.

В данной работе рассматривается способ представления северо-европейского города в рассказах хантыйского прозаика Еремея Даниловича Айпина. Обратившись к городскому тексту в хантыйской литературе, видим, что Е.Д. Айпин – один из немногих авторов, кто создает образ города в своих произведениях.

Материалом исследования послужили рассказы Е.Д. Айпина «Моя княжна» и «Ночь Маэстро», в ходе осмысления которых мы будем опираться на историко-культурный и сопоставительный методы, а также современные подходы к выборочному анализу художественного текста.

В рассказе «Моя княжна», созданном в октябре 1993 года в норвежском Трондхейме, автор в начале произведения знакомит нас с городом в Северной Норвегии или, как он сам уточняет, в Лапландии. Знакомство со страной представлено через взгляд иностранного гостя, в данном случае, жителя Севера России. Первое восприятие места дано через слуховое ощущение. Панорамное зрительное восприятие транслируется через окно, в которое герой смотрит на мир. Городского ландшафта пока еще нет, но его заменяет природ-

ный: «По утрам я рано просыпался. И подолгу лежал в постели, прислушиваясь к тишине. А тишина была изумительной... Потом поднимался и шел к окну, смотревшему в полдень. За окном, в низинке под горой, протекала небольшая речка. На ее дне и берегах светились круглые камни-голыши, а через нее вытянулся неширокий мост, прикрытый белой известковой пылью. По нему и по петляющей на склоне дороге мы выбирались в «мир».

Дорога, уходя вдаль, связывала оба берега с белобокими валунами, обросшими оленьим мхом. Но основательно объединяла все легкая предрассветная дымка, висевшая в небе ранней осени. Она приподнимала и камни на склонах, и вершины гор с ельником, и белый ягель, и воду горной речки, и наш дом. И я, мне кажется, был нерасторжимо связан со всем этим вечным на земле» [16, с. 21]. Дом оленевода как бы вписан в окружающий природный ландшафт. Повествуя о действиях героев, их распорядке дня, автор вводит в текст описание дома, его внутреннего убранства: уютный холл на втором этаже, столик, кресла и диван. «Ты жила на втором этаже, а я на первом. И у каждого на этаже, начиная с сауны, было все, что нужно для нормальной жизни. Словом, это дворец, а не дом. В первые дни я часто плутал по разным лесенкам и площадкам в поисках своей спальни» [там же, с. 29].

Хозяин дома показывает гостям свои владения в горах и здесь возникает сравнение с Россией (достаточно часто встречающийся прием в прозе Е.Д. Айпина). Оценив возможности оленеводов в Северной Европе и в России, автор заключает – «нашим оленеводам такое и не снилось»: «Ведь здесь многое в хозяйстве было не так, как у нас в России. Оленеводы спешили на пастбище на легковых автомобилях по асфальту. Переговаривались между собой по радиотелефонам. В случае надобности могли позвонить домой. Да что домой, в любую точку планеты, где есть телефон... Стада загоняла в кораль не быстроногая лайка, а легкий вертолет...» [там же, с. 23]. Даже сравнивая осенний климат Лапландии с сибирским Севером на Оби, автор подчеркивает, что в Норвегии теплее, так как называется «дыхание Гольфстрима».

Небольшой городок – это то, что объединяет норвежских оленеводов, живущих в домах, расположенных в горах. Знакомство с таким безымянным городком начинается с бара, куда вечерами после ужина заезжают жители и гости для обмена новостями. Первое, что отмечает гость, – это чистоту, уют помещения и доброжелательную атмосферу: «Выпивали здесь понемножку. За весь вечер посетитель обычно обходился одной-двумя кружками пива. Или парой бокалов вина, рюмкой коньяка. Впрочем, крепкие напитки разрешались строго до определенного часа. То ли до десяти, то ли до одиннадцати. Да и приезжали сюда не выпивать, а пообщаться, обменяться новостями, взглянуть друг на друга. Ведь у каждого в доме, включая нашего хозяина, есть набор самых разнообразных вин и напитков» [там же, с. 24–25]. Подчеркивает Е.Д. Айпин и те черты характера, которые свойственны норвежцам – деликатность, дружелюбие и гостеприимность.

Начав повествование о Северной Норвегии, автор отправляет героя в конце рассказа в ее южную часть, сообщая, что там осень длиннее. Но это путешествие уже не приносит радости открытия, поскольку нет компании и нет женщины, которая вызвала гамму сложных чувств в душе героя: «Но ничто не радовало меня. Ни жизнь в охотничьем домике на берегу живописнейшего озера в горах. Ни удачная охота на лосей в горных распадках. Ни заманчивая ловля рыбы во фьордах. Ни теплые солнечные дни» [там же, с. 29]. Так циклично завершилась природной презентацией рецепция северной страны в рассказе хантыйского прозаика. Обратившись к культурологической, психологической составляющим города, дополнив их элементами территориальной и экономической составляющих (последняя видна в сравнениях), Е.Д. Айпин показал сложную структуру текста во взаимосвязи всех компонентов.

Еще одна презентация северной страны есть в рассказе Е.Д. Айпина «Ночь Маэстро», написанном 14 мая 1998 года в Нижневартовске и Москве. В произведении автор не указывает на конкретную номинацию, только использует сочетание «Северная Страна». Писатель вновь обращается к повествованию о судьбе русской ин-

теллигенции за границей. Создавая образ Маэстро, он применяет достаточно типичные атрибуты образа художника (берет, очки). Характеризуя Маэстро, гость подчеркивает, что все «мгновения жизни» он отдает двум делам: пишет картины и ловит рыбу. Именно в природе он находит отдохновение и черпает вдохновение для новых работ. Объясняет и причины отъезда Маэстро в чужую страну отсутствием условий для творчества. И здесь снова возникает ставшая уже традиционной для айпиновской прозы модель «здесь – там», «Россия – Европа». В этой модели возникает образ провинциального города, пространство которого концентрируется жизнью художника – квартира и Дом культуры: «Жил он на Севере, в маленьком провинциальном городке, в старой хрущевке. В одной комнате поставил станок для печати графических работ. Тут же на стеллажах хранились картины в подрамниках. Большие полотна писал в актовом зале местного Дома культуры, ибо в квартире просто невозможно развернуть холст – не хватало места, не хватало стены. Там же в подвалах, как в хранилищах, оставлял и свои новые работы. Мастерской не было» [там же, с. 79]. Картины свои Маэстро продавал «редко и неохотно», только когда нужда заставляла, предпочитая дарить.

Маэстро – не типичный представитель богемы, он любит жизнь «тихую, уединенную, незаметную». Даже пришедшая известность и слава не изменили привычный уклад жизни. «Он жил в своем маленьком городке, в своей тесной квартирке. И все так же избегал шумных сборищ, тяготясь вниманием толпы. <...> И по-прежнему редко и неохотно выезжал из дома» [там же, с. 19]. Одиночество героя усиливается замкнутостью пространства, указанием на его небольшие размеры, подчеркнутые эпитетами «маленький», «тесный». Автор открыто говорит о предпочтениях художника северянина: «Он любил Север и одиночество» [там же, с. 80], даже предложение жить и работать на юге Франции после длительных раздумий (полгода) оказывается отвергнутым. Принятие такого решения объясняется просто: «<...> истинный северянин не особенно почитает юг» [там же, с. 81].

Рассказывая об условиях, в которых жил Маэстро в России, Е.Д. Айпин называет и причины, по которым он покинул Родину, перебравшись в Северную Страну. И окружение Маэстро понимает его решение: «А потом его выставка приехала в эту Северную Страну. Хозяева увидели картины и сказали: вот вам тихий живописный городок, вот мастерская, живите и работайте. Без всяких условий. И он, подумав, согласился: попробую. Я понимаю его. Там, дома, Север и нет мастерской. А здесь тот же Север и есть мастерская. <...> Мастерская – мечта каждого художника. Дома, в маленьком городке, в глухомани вряд у него появится своя мастерская» [там же, с. 80]. За границей художника понимали и ценили больше, чем на родине. Писатель констатирует: «В тысячу первый раз оправдывается истина: нет пророков в своем Отечестве» [там же, с. 81]. Так Маэстро становится пророком, и то, что это было в нем всегда, не вызывает сомнений у знакомого, ведь в картинах он создает свой «таинственный и малопонятный» мир. Подчеркивается это и чертами характера Маэстро: мягкостью, скромностью, застенчивостью, не желанием ничего ни от кого не требовать, не принятие суеты и многословия, и образом жизни отшельника. Первое, что поражает при знакомстве с Маэстро, – это всепонимание и всеобъяснение всего, с чем он соприкасался. Маэстро стал для знакомого источником жизненной энергии: «Устав от беспорядочной жизни, вконец измотавшись, я приезжал к Маэстро. <...> Так я заряжался новой жизненной энергией. <...> Очистившись от жизненной скверны, как бы заново родившись, снова начинал работать. Потом, со временем возвращался к богомному образу жизни и постепенно опять изматывался. И ощущал острую необходимость очищения. И в такие критические минуты, на грани истощения духовных и физических сил, разыскивал Маэстро. И ехал к нему. И слушал, слушал, пока не возвращался ко мне вкус к жизни... Он мне все чаще и чаще напоминал Иисуса Христа» [там же, с. 81]. Объединяет Маэстро и гостя родная земля и река Обь, на разных берегах которой они родились (в тексте фиксируются притоки Оби – реки Салым и Аган).

Встреча героев происходит в кафе на набережной, поэтому и описание его переплетается с изображением фьорда и пирса, оживленных днем и уснувших ночью: «Мы сидели в кафе в одной Северной Стране, за столиком у окна, на втором этаже. Почти прямо под нами пирс с деревянными поручнями, покрытыми густой темно-коричневой пропиткой. Совсем рядом, казалось, в двух саженях, колыхалась вода задумчиво дремлющего фьорда. По нему изредка почти бесшумно проплывали небольшие белые суда с ватерлиниями, почему-то прочерченными красной краской. Напротив, в полутора-двух километрах вдоль фьорда тянулся высокий горный хребет с крутым, чуть выпуклым склоном, поросшим зеленым кустарником и лесом, у подножья омываемый водой. <...> Кафе было уютным и тихим. В глубине зала потрескивал огонь в камине, да бармен изредка звякал бокалами. В приглушенную музыку вплетался тихий говор немногочисленных ранних посетителей. Когда за столом молчишь, слышно, как вода колыхнется за окном да накатывает легкая волна на пирс после проплывшего мимо судна. Впрочем, к ночи жизнь во фьорде почти замирает до утра. Суда одиноко дремлют у полупустого причала» [там же, с. 77–78]. Вид из кафе рождает в сознании героя ассоциацию с домом, возникает параллель вод северного фьорда со средним течением Оби: «Если бы не эта высокая гора с каменистыми залысынами наверху, можно было подумать, что тут протекает Обь в среднем течении, в районе Сургута, и мы сидим у себя на родине, любуясь обскими водами» [там же, с. 78]. Стены кафе, в котором встретились давние знакомые, украшены картинами в добротных рамках. Беседа о России, о доме, об искусстве, о знакомых проходит за бокалом французского вина. Автор вскользь, ненавязчиво рассказывает о правилах продажи алкоголя в Северной Стране, где после нуля часов строго запрещено продавать крепкие спиртные напитки. В беседе за столиком кафе возникает вопрос об отношении к русским за границей. Как единственный выходец из России в том европейском городе, о котором идет речь в рассказе, Маэстро чувствует это «всей шкурой» и «нутром тоже», хотя подчеркивает, что не русский, а остяк. И здесь

появляется мысль о том, что «в жизни землян России уготована роль духовника». Деликатный бармен ненавязчиво дает понять гостям, что рабочее время заведения подходит к концу (кафе работает до двух часов). Перед тем как попрощаться с барменом и покинуть заведение, старые друзья последний бокал выпили «за духовную основу своей страны и Севера».

В рассказе автор рисует ландшафт города, подчеркивая, что плохо в нем ориентируется, хотя городок небольшой. «На довольно узкой равнине возле фьорда располагался центр, от него террасами высоко в гору уходили улицы с разноцветными, словно игрушечными, домиками. Днем на склоне преобладали теплые тона: коричневый, красный, оранжевый, коричневый с различными оттенками. Смотрелось хорошо. Глаз радовался необычным формам строений и обилию цветов, как-то непостижимо грациозно связанных воедино, в одно целое. Мастерская у Маэстро находилась где-то около середины горы, в конце улицы» [там же, с. 93]. Стоит обратить внимание на пространство, горизонтальную замкнутость которого с одной стороны создает гора, а с другой стороны его безграничность подчеркивают воды фьорда. Та же гора определяет и вертикальное пространство города, ведь город располагается террасами на ее склонах. Спонтанно принятое решение вернуться в Россию заставляет героев рассказа идти в гору, поддерживать друг друга в этом подъеме, и, заплутав среди темных улочек города, упереться в каменную стену, образующую тупик. Эта каменная, обтесанная скала контрастна «игрушечно-нарядным» домикам с темными окнами. Не случайно возникает эпитет «игрушечно-нарядные», так как за внешней праздничностью и красотой скрывается равнодушные. Это же позволяет автору еще раз подчеркнуть ментальные отличия русских и европейцев: «Если бы это было в России, в таком же небольшом городке или селе, постучали бы в любой дом. В ночь-заполночь. Мол, заблудились, дорогу укажите или пустите до утра. Хозяин поворчал бы и открыл. Видя, что путники продрогли, чайком бы угостил. А потом выставил бы на стол поллитровку для сугрева. Сам бы рюмку принял. А после, поведав о своем житье-

быть, обняв незваных гостей как лучших друзей, до утра пел бы с ними задушевные русские песни. А здесь такое не принято. Мы оба понимали, что это в лучшем случае назвали бы посягательством на частную собственность и личную жизнь» [там же, с. 94].

В рассказе Е.Д. Айпин дает и панорамный вид сверху на город, перечисляя все то, что видит Маэстро: дома, улицы и фьорд. С первыми лучами солнца художник принимает судьбоносное решение – вернуться в Россию, объясняя, что «для художника здесь слишком хорошо»: «– Все, возвращаюсь домой <...> На свой Север. В Россию. Растаскиваемую, разоряемую, терзаемую, но – Россию! <...> И мы повернулись, и от обросшей лишайником скалы-тупика направились вниз, туда, где можно было взять машину и, не теряя времени, пуститься в путь, ведущий к нашим исконным корням» [там же, с. 96]. И это путь возвращения к корням символически подчеркивается в рассказе восхождением на гору, которое заканчивается тупиком, и спуском с нее. Вновь автор создает сложный по структуре текст, где есть взаимодействие разных компонентов.

Заключение

Как видим, в двух рассказах, созданных с интервалом в пять лет, хантыйский прозаик ввел в художественное повествование городской текст. Обратившись к небольшим городкам северной Европы, Е.Д. Айпин оставил их без номинации. Взгляд на город дан глазами путешественника из России. При этом в тексте определились те черты топоса, которые не привычны для жителя российского Севера. Панорама города дает возможность представить его пространство. Концентрированность на деталях помогает автору проводить параллели, сравнивая два города, два государства, два народа, две культурные традиции. Писатель осознанно не обращается к мегаполисам при создании североευропейского городского текста. Фокус его внимания сосредоточен на маленьких провинциальных городках и их жителях. Пространство города неизменно в прозе Е.Д. Айпина связано с природным компонентом (будь то залив, фьорд, океан или горы). Полифония разных компонентов свидетельствует о сложно-

сти текста. Все это в комплексе усиливает урбанистический код, создаваемый Е.Д. Айпиным в хантыйской литературе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в рамках научного проекта № 17-14-86002.

Список литературы

1. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. М., 1991. URL: <http://e-libra.ru/read/178951-dusha-peterburga.html> (дата обращения: 25.02.2016).
2. Белова Н.А. «Парижский текст» в русской литературе первой половины XIX века (к постановке проблемы) // Вестник Югорского государственного университета, 2011. Вып. 1 (20). С. 71–77.
3. Бураго Е.Г. Семиотика города: Киев как текст культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiotika-goroda-kiev-kak-tekst-kultury> (дата обращения: 25.09.2017).
4. Гаврилина Л.В. Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kaliningradskiy-tekst-v-semioticheskom-prostranstve-kultury> (дата обращения: 15.11.2017).
5. Галимова Е.Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверткста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. С. 212-129. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18082293> (дата обращения: 5.11.2017).
6. Кузнецова Е.В. Парижский текст Гайто Газданова // Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (42). С. 223–229.
7. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 208–220.
8. Лошаков А.Г. Сверткст как словесно-концептуальный феномен. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2007. 344 с.

9. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?1835> (дата обращения: 25.02.2016).
10. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы // Избранные труды. СПб.: Искусство, 2003. 614 с.
11. Топоров В.Н. Петербургские тексты и Петербургские мифы (Заметки из серии) // Миф. Ритуал, Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 368–399.
12. Трубцекова Е.Г. «Текст в тексте» в русском романе 1930-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 25 с.
13. Шиндина, О.В. Образ города в романе Каверина «Два капитана»: общий взгляд // Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего. Материалы международной научно-практической конференции 15–17 апреля 2003 года / Под ред. проф. Т.П. Фокиной. Саратов, 2003. С. 116–119.
14. Шурупова О.С. Основные особенности Провинциального текста английской литературы // Концепт. 2013. № 10 (октябрь) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-osobennosti-provintsialnogo-teksta-angliyskoj-literatury> (дата обращения: 02.11.2017).
15. Щербакова Э.В. К проблеме определения понятия «город» // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований: сборник материалов 17-й международной науч.-практ. конф., 17 апреля 2016 г. Махачкала: ООО «Апробация», 2016. С. 41.
16. Айпин Е.Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов. СПб.: ООО «МИРАЛЛ», 2007. 208 с.

References

1. Antsiferov N.P. *Dusha Peterburga* [The Soul of St. Petersburg]. (In Russ.) Available at: <http://e-libra.ru/read/178951-dusha-peterburga.html> (accessed February 25, 2016)
2. Belova N.A. «Parizhskiy tekst» v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka (k postanovke problemy) [“Paris text” in Russian literature of first half of XIX century (to the problem statement)]. *Vestnik Yugorsko-*

- go gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Yugra State University], 2011, no. 1 (20), pp. 71–77.
3. Burago E.G. Semiotika goroda: Kiev kak tekst kul'tury [Semiotics of a city: Kyiv as a text of culture]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2016* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2016]. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiotika-goroda-kiev-kak-tekst-kultury> (accessed September 25, 2017).
 4. Gavrilina L.V. Kaliningradskiy tekst v semioticheskom prostranstve kul'tury [Kaliningrad text in the semiotic space of culture]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki, 2011* [Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social Sciences, 2011]. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kaliningradskiy-tekst-v-semioticheskom-prostranstve-kultury> (accessed November 15, 2017).
 5. Galimova E.Sh. Spetsifika severnogo teksta russkoy literatury kak lokal'nogo sverkhteksta [The specificity of the Northern text of Russian literature as local super-text]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social Sciences], 2012, pp. 212–129. (In Russ.) Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18082293> (accessed November, 05, 2017).
 6. Kuznetsova E.V. Parizhskiy tekst Gayto Gazdanova [Paris text of Gayto Gazdanov]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian studies], 2012, no. 2 (42), pp. 223–229.
 7. Lotman Yu.M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [The symbolism of St. Petersburg and the problem of semiotics of the city]. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and typology of Russian culture]. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ., 2002. pp. 208–220.
 8. Loshakov A.G. *Sverkhstekst kak slovesno-kontseptual'nyy fenomen* [Context as verbal-conceptual phenomenon]. Arkhangel'sk: Pomorskiy gos. un-t im. M.V. Lomonosova Publ., 2007. 344 p.

9. Mednis N.E. *Sverkh teksty v russkoy literature* [Super-texts in Russian literature]. (In Russ.) Available at: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?1835> (accessed February 25, 2016).
10. Toporov V.N. Peterburgskiy tekst russkoy literatury [The Petersburg text of Russian literature]. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Saint-Petersburg: Iskustvo Publ., 2003. 614 p.
11. Toporov V.N. Peterburgskie teksty i Peterburgskie mify (Zametki iz serii) [Petersburg texts and Petersburg myths (notes from the series)]. *Mif. Ritual, Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual, Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic]. Moscow: izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Kul'tura» Publ., 1995, pp. 368–399.
12. Trubetskova E.G. «Tekst v tekste» v russkom romane 1930-kh godov [“Text in text” in Russian novel of the 1930-ies]. Saratov, 1999. 25 p.
13. Shindina, O. V. Obraz goroda v romane Kaverina «Dva kapitana»: obshchiy vzglyad [The image of the city in the novel of Kaverin “Two Captains”: common view]. *Goroda regiona: kul'turno-simvolicheskoe nasledie kak gumanitarnyy resurs budushchego. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 15–17 aprelya 2003 goda* [Cities of the region: cultural and symbolic heritage as a humanitarian resource of the future. Materials of international scientific-practical conference on April 15–17, 2003]. Ed. by prof. T.P. Fokina. Saratov, 2003, pp. 116–119. (In Russian).
14. Shurupova O. S. Osnovnye osobennosti Provintsial'nogo teksta angliyskoy literatury [The main features of the Provincial text of English literature]. *Kontsept* [Concept], 2013, no. 10 (October). (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-osobennosti-provintsialnogo-teksta-angliyskoy-literatury> (accessed November 02, 2017).
15. Shcherbakova E.V. K probleme opredeleniya ponyatiya «gorod» [To the issue of the definition of the “city” notion]. *Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvovedeniya v svete sovremennykh issledovaniy: sbornik materialov 17-y mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konf., 17 aprelya 2016 g.* [Problems of Philology, Culturology and Art criticism in the light of modern research: proceedings of the 17th international scientific.-pract. conf.. April 17, 2016]. Makhachkala, 2016, p. 41.

16. Аупин Е.Д. *Reka-v-Yanvare* [The River-in-January]. *Sbornik rasskazov* [Collection of stories]. Saint-Petersburg: ООО «MIRALL» Publ., 2007. 208 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Косинцева Елена Викторовна, заместитель директора по научной работе, доктор филологических наук, доцент
БУ ХМАО-Югры Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
ул. Мира, д.14А, г. Ханты-Мансийск, Тюменская область, 628011, Российская Федерация
Kosintseva_elen@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6695-0218

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kosintseva Elena Viktorovna, Deputy Director on scientific work, doctor of philological Sciences, associate Professor
BU HMAO-Yugry Ob-Ugric Institute of applied research and development
14A, Mira str., Khanty-Mansiysk, Tyumen oblast, 628011, Russian Federation
Kosintseva_elen@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6695-0218